

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

В статье рассматриваются теоретические аспекты соотношения уголовного преследования и обвинения как части функциональной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: прокурор, уголовное судопроизводство, обвинение, уголовное преследование.

Исходя из положений УПК РФ, под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Реформа процессуального статуса прокурора в досудебном производстве дала новый толчок дискуссии о характере и содержании деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования. Отсутствует ясность и в том, какую роль занимает поддержание государственного обвинения в деятельности прокуратуры – является ли оно самостоятельным направлением, либо составляющей уголовного преследования. Если до 2007 года роль прокурора в осуществлении уголовного преследования на досудебном производстве была первоочередной и не вызывала сомнений, то после утраты прокурором возможности самостоятельно осуществлять расследование и осуществлять процессуальное руководство им, появилась необходимость по новому определять место и роль данной функции прокурора.

Процессуальное законодательство под обвинением понимает утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в установленном порядке. Предъявление обвинения возложено по действующему законодательству на следователя и дознавателя, при этом оно может быть предъявлено либо в рамках специального постановления следователя при осуществлении предварительного следствия, (в исключительных случаях, когда истекает 10-дневный срок применения к подозреваемому меры пресечения, постановление может быть вынесено и дознавателем) либо в рамках дознания и его сокращенной формы – при составлении обвинительного акта или обвинитель-

ного постановления. Поддержание же государственного обвинения является прерогативой прокурора, который, в этом случае, теряет надзорные полномочия и наделяется статусом государственного обвинителя. Вообще, если исходить из анализа ст. 37 УПК, то полномочия прокурора, которые в ней перечислены, относятся только к досудебному производству. В таком контексте можно сделать вывод о том, что прокурор осуществляет уголовное преследование так же только на досудебном производстве, иное бы означало, что и функция надзора за следствием сохраняется за ним в момент поддержания государственного обвинения. Вместе с тем, подобная трактовка, основана на несовершенстве законодательной конструкции, и должна соотноситься с другими нормами процессуального законодательства и, в частности, с положениями закона о прокуратуре, где в ч. 2 ст. 35 закреплено осуществление уголовного преследования в суде путем поддержания государственного обвинения. Таким образом поддержание государственного обвинения и выдвижение обвинения, хотя и являются составляющими уголовного преследования, представляют собой самостоятельные виды деятельности, отличающиеся как по форме, так и по кругу субъектов, уполномоченных их осуществлять.

В дореволюционной России в теории уголовного процесса не придавали значения разграничению понятий обвинение и уголовное преследование. Так И.Я. Фойницкий, давая характеристику процессу возбуждения уголовного преследования, отмечал, что он складывается из двух процессуальных актов – предъявление обвинения суду и принятие его судом [1].

По мнению другого дореволюционного процессуалиста Муравьева Н.В. прокурор призван осуществлять публичное уголовное преследова-

ние, под которым понимается деятельность, направленная к изобличению лица, виновного в совершении преступления, с целью подвергнуть это лицо назначенному в законе наказанию [2].

М.С. Строгович [9] рассматривал в качестве уголовного преследования совокупность процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить и покарать преступника. Она включает в себя как привлечение к уголовной ответственности, так и поддержание обвинения перед судом.

В узком формате к решению данного вопроса подошел А.М. Ларин [9], который рассматривал уголовное преследование как предшествующую разрешению дела уголовно-процессуальную деятельность, состоящую в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. В этом плане его формулировка очень схожа с процессом формирования обвинения, что опять-таки возвращает нас к вопросу о соотношении обвинения и уголовного преследования.

Ф.Н. Фаткуллин понимал под обвинением основанную на законе процессуальную деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и по обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться публичного его осуждения [3]. На первый взгляд вышеприведенное суждение по смысловому содержанию несколько схоже с мнением Строговича М.С. о понимании уголовного преследования в широком смысле, однако нужно понимать, что здесь речь идет о лице, признанном в установленном процессуальном порядке обвиняемым. Поэтому обвинение в приведенном выше контексте не может существовать, когда лицо неизвестно, либо когда оно еще находится в статусе подозреваемого.

Согласно позиции А.П. Гуляева обвинение и уголовное преследование не могут быть тождественны, так как «можно обвинить лицо в совершении преступления, осуществив в отношении него до конца функцию обвинения, и в то же время освободить его от уголовной ответственности по основаниям, указанным в законе, т. е. по существу отказаться от уголовного преследования» [4]. Таким образом, автор подчеркивает, что обвинение уже по смысловому содержанию, чем уголовное преследование. Вместе с тем постановление о привлечении лица в качестве обвиняе-

мого содержит первоначальное обвинение, которое может быть изменено или вообще не подтвердилось в рамках судебного производства, где формируется окончательное обвинение, поддержание и конкретизация которого входит в компетенцию прокурора – государственного обвинителя. Поэтому формирование вероятностного суждения на стадии досудебного производства не может считаться осуществлением функции обвинения в ее завершенном виде.

По мнению Гущева В.Е. и Александрова А.С. [2] обвинение можно понимать как в узком смысле – уголовный иск в состязательном процессе, так и в широком смысле, когда обвинение охватывает деятельность обвинителя на всех этапах уголовного судопроизводства. При этом деятельность обвинителя в досудебном производстве как раз и будет отражать содержание уголовного преследования.

С точки зрения Ю.В. Козубенко [5] необходимо отказаться от понимания уголовного преследования как выражение обвинительной функции – оно имеет место быть не только в судебном разбирательстве, но и на предварительном расследовании, и в стадии исполнения приговора суда. Обвинение в данном случае представляет собой предмет уголовного преследования.

Рассматривая соотношение уголовного преследования и обвинения, В.Ф. Крюков [9] делает вывод, что обвинение является родовым для такого понятия как уголовное преследование. Полагаем, что с данным тезисом сложно согласиться, ввиду того факта, что даже с точки зрения законодателя уголовное преследование имеет место и до формирования обвинения, например когда в отношении лица имеется лишь подозрение о совершении преступления.

А.В. Гриненко [6], основываясь на положениях УПК РФ, указывает на то, что раз уголовное преследование осуществляется в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, то оно начинается не ранее того момента, когда лицо, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу, приобрело соответствующий процессуальный статус.

Трактовка уголовного преследования, представленная в законодательстве, разделяется не всеми процессуалистами. Так Баев М.О. и Коврига З.Ф. указывают на необходимость рассматривать в качестве уголовного преследова-

ния также и деятельность по обнаружению преступления, возбуждению уголовного дела [7]. Аналогичной позиции придерживается Лазарева В.А. и Гатауллин З., которые считают unnecessary разграничивать деятельность следователя и дознавателя при расследовании преступления на подготовку к уголовному преследованию и осуществление уголовного преследования в отношении конкретного лица [8].

Не соглашаясь с данными авторами, Колосов А.Л. [7] указывает на то, что в случае, когда уголовное дело еще не возбуждено нельзя говорить о том, что имело место преступление, так как по результатам рассмотрения сообщения о преступлении может быть вынесено решение об отказе в его возбуждении. Подобная аргументация так же не безупречна ввиду того, что сам по себе факт возбуждения уголовного дела, последующее обвинение в отношении лица носит вероятностный характер, и дальнейшее развитие ситуации не исключает прекращение уголовного дела за отсутствием события или состава преступления, в том числе и в стадии судебного разбирательства.

Смешение терминов обвинение и уголовное преследование свойственно и законодателю, который достаточно вольно подходит к их употреблению, нередко игнорируя сущностное содержание ранее сформулированных им же определений. На это указывает в частности Кругликов А.П. [1].

Полагаем, что трактовка, предложенная законодателем, не в полной мере учитывает существующие позиции в науке уголовного процесса и использует терминологию, которая сама по себе является дискуссионной. Если следовать данному определению, то получается, что деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении с последующим возбуждением уголовного дела по факту преступления, а так же расследование преступления до момента появления процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, несправедливо выпадает из содержания уголовного преследования. Хотя еще до принятия УПК РФ в постановлении Конституционного суда РФ от 27.06.2000 г. №11-П было установлено, что факт уголовного преследования может подтверждаться проведением в отношении лица следственных и иных мер, предпринимаемых в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него. Отсюда можно сделать

вывод, что наличие уголовного преследования не всегда должно связываться, как это предлагает нам законодатель, с наделением лица статусом подозреваемого или обвиняемого.

Правильным было бы понимать под уголовным преследованием деятельность уполномоченных субъектов, охватываемой единой целью – реализовать предусмотренную законом уголовную ответственность в связи с фактом совершения преступления. В этом плане мы исходим из широкого понимания уголовного преследования, которое имеет своим отправным моментом факт возникновения уголовно-правовых отношений. Вполне естественно, что факт совершения преступления еще необходимо доказать в установленном законом порядке, но трудно отрицать и то, что деятельность уполномоченных органов является соответствующей реакцией на имеющуюся информацию о преступлении и имеет своей целью установление обстоятельств произошедшего и лица, совершившего посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения. Именно данная деятельность во всех ее аспектах понимается нами как уголовное преследование. И в этом плане уголовное преследование может быть как процессуальным, так и внепроцессуальным, которое осуществляется, в том числе, и с помощью оперативно-розыскных мероприятий.

В отношении уголовного преследования, осуществляемого прокурором, можно говорить только о его процессуальной составляющей, требующей четкого соблюдения процессуальной формы. При этом нужно исходить из правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве, который предоставляет ему ограниченный набор возможностей по осуществлению уголовного преследования. Это связано с тем, что основную роль в уголовном преследовании по частному и частно-публичному обвинению на досудебном производстве выполняют лица, уполномоченные проводить предварительное расследование по уголовному делу.

Уголовное преследование начинается с момента, когда с точки зрения государства в лице компетентных органов, имел место факт совершения преступления. Реализации функции уголовного преследования проявляется, в частности, у прокурора в процессе реализации им полномочия по направлению материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

При этом для начала уголовного преследования не имеет значения доказанность самого факта его совершения, так как получение соответствующей информации о преступлении по-

рождает необходимость в ее проверке и установления обстоятельств совершения деяния, предположительно имеющего характер преступного.

28.01.2014

Список литературы:

1. Кругликов, А.П. Уголовное преследование и обвинение в современном уголовном процессе России // Стратегии уголовного судопроизводства: Мат. междунар. конф., посвященной 160-летию со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого 11-12 октября 2007 г. – Режим доступа: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=313
2. Гуцев, В. Е. Александров, А. С. Народное обвинение в уголовном суде: Учебное пособие / В. Е. Гуцев, А. С. Александров; Министерство внутренних дел РФ. Нижегородский юридический институт. Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. – 160 с. Режим доступа: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_1998/1.html
3. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии / Цапаева Т.Ю. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – 140 с. Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_3949.html
4. Режим доступа: http://cde.ncstu.ru/contents/pkg6798/resources/resource_9/content/content.htm#_ftn5
5. Козубенко, Ю. В. Уголовное преследование: Вопросы теории и практики / Ю. В. Козубенко // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Екатеринбург: 2006. – 23 с. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1289711>
6. Уголовный процесс: учебник – 2-е изд., перераб. / А. В. Гриненко – М.: Норма – 496 с., 2009. – Режим доступа: <http://vse-uchebniki.com/protsess-ugolovnyiy/ugolovnyiy-protsess-uchebnik-grinenko.html>
7. Колоссов, А.Л. Пределы уголовного преследования / А.Л. Колоссов. – Режим доступа: <http://www.advokat-kras.ru/stati/predely-ugolovnogo-presledovaniya-2009-g.html>
8. Гатауллин, З. Уголовное преследование как функция прокурора / З. Гатауллин // Законность. – 2010. – №2. – С. 8-13
9. Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации / Крюков В.Ф. – Курск: МУП «Курская городская типография», 2007. – 212 с. // КонсультантПлюс: справочная правовая система / разработ. НИО «Вычисл. Математика и информатика». – М.: КонсультантПлюс, 1997-2013. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Сведения об авторе

Ягофаров Самат Мухамедвалеевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского государственного университета
460048, г Оренбург, пр-т Победы 141, ауд. 7401а, e-mail: samatya@yandex.ru